

нам известно и о передаче «улияника» (пасеки) в Крушевице, близ Скадарского озера, и планины — в этой же части Нижней Зеты¹⁴.

Примечателен и тот факт, что Вранинский монастырь тогда не имел и не получил из королевских имений ни одного виноградника даже в богатой и пригодной для земледелия (особенно для виноградной лозы) Црмнице — районе близ Скадарского озера. Более того, пахотные земли обители («теговища») севернее озера (в Плавнице) названы лишь в сомнительной грамоте Саввы (1233), где прямо сказано об отсутствии в то время у данного монастыря земледельческих угодий¹⁵.

По всей видимости, в приморских местностях Зеты и Захумья, в окрестностях южнодалматинских городов уже в ту пору было немало виноградников, садов и масличных посадок (о чем можно судить по договору 1279 г., о котором мы скажем ниже, и материалам начала XIV в.); однако и в конце XIII в., несмотря на некоторое развитие сельского хозяйства южной Далмации, в том числе виноградарства, приморские области Сербского государства, как и Рашка, оставались важным рынком сбыта зерна и масла, привозимого из других регионов Адриатики и Средиземноморья (Италии, Албании, Византии). Известно, например, о ввозе зерна из Апулии в приморские города Зеты в конце XIII в., притом иногда в больших количествах (к примеру, по I тыс. салм зерна сряду, т. е. по 170—190 т.)¹⁶. Совсем иначе обстоит дело с развитием виноградарства и виноделия в южной Далмации, поскольку ввиду большого спроса на вино в Сербии южнодалматинские города и Дубровник уже старались обезопасить себя от конкуренции «иноземного вина» — видимо, прежде всего итальянского; об этом стремлении получить наибольшие доходы от собственных виноградников, от ввоза вина, меда в Рашку (через Брсково) мы узнаем из договора Дубровника с Котором от 5 июня 1279 г.

Так, в результате соглашения этих городов было решено, «что рагужане могут везти вино из их собственных виноградников в Брсково, как и которане, без всякого препятствия, и что как рагужане, так и которане не могут везти иноземное вино в Брсково каким-либо образом». Аналогичное постановление в договоре касается и ввоза в Брсково меда рагужанами и которанами, причем указывается, что мед также должен быть местного происхождения, т. е. из Дубровника, Котора, Хума, Зеты и «всего Приморья»¹⁷.

Иными словами, мы можем судить об известном экономическом подъеме южной Далмации в конце XIII в., который определялся прежде всего развитием товарных отраслей сельского хозяйства (виноградарства, садоводства, пчеловодства), которые имели постоянный и весьма обширный рынок сбыта во внутренних областях Сербии.

Без сомнения, в данной связи можно напомнить о стараниях дубровчан постоянно расширять свои владения вокруг города, о том, что они постепенно разбивали все новые и новые виноградники и нивы на пограничных сербских землях, несмотря на протесты сербских королей¹⁸. Вероятно, аналогичные процессы происходили и в окрестностях городов южной Далмации в конце XIII в.; к сожалению, об этих проявлениях аграрной динамики мы можем подробнее узнать лишь из памятников пер-

¹⁴ Зак. сп., стр. 578—580; ср. Г. Шкриванић. Властелинство св. Николе Врањинског. — «Историски записи», 1959, св. 3—4, стр. 40—42. Вранинские грамоты 1242 и ок. 1280 гг. признаются некоторыми авторами сомнительными (как и хрисовул св. Саввы 1233 г.), но их недостоверность, по нашему мнению, еще не доказана убедительно (см., например, И. Божий. Доходак царски. Београд, 1956, стр. 9, 17—18).

¹⁵ Ср. Г. Шкриванић. Властелинство. . ., стр. 39—41.

¹⁶ В. В. Макушев. Итальянские архивы и хранящиеся в них материалы для славянской истории, II. СПб., 1871, стр. 32; ср. стр. 64.

¹⁷ Зак. сп., стр. 30—31; ср. там же, стр. 137.

¹⁸ Там же, стр. 151—153, 157; ср. К. Јиречек. Историја. . ., т. II, Београд, 1952, стр. 168—169.